

Молодая женщина в коротком шелковом платье вышла на палубу, захлопнула за собой дверь.

По ту сторону двери остались звон ножей и вилок, оживленные голоса пассажиров, сливающиеся в ровный монотонный шум, яркий свет люстр и плафонов, заливающий зал ресторана.

По эту сторону были ночь, мириады звезд, холодным сиянием осыпавшие черное бархатное небо, и мощное дыхание океана.

Женщина подошла к краю палубы, оперлась на борт и взглянула на ночной океан.

Даже в темноте он поражал своей безграничной мощью. Где-то далеко, на горизонте, мерцал огонек встречного судна, за кормой светились вспененные винтами водоросли — и больше ничего, никаких признаков человеческой жизни.

На шлюпочной палубе тоже не было ни души.

Но вдруг из темноты, из-за подвешенной на таях шлюпки показалась темная фигура. Это был мужчина в темном вечернем костюме, в темноте ярко белела рубашка. Женщина невольно вздрогнула, повернулась к незнакомцу — и узнала его: это его взгляд она то и дело ловила на себе в первые дни круиза.

Довольно привлекательный мужчина, но немного странный. Худощавый, с виду хлипкий и непримет-

ный, но, если приглядеться, от него исходит ощущение скрытой силы и значительности.

Если она заинтересовала его, отчего он не делает первых шагов? Круиз продлится всего неделю, так что он рискует упустить возможность знакомства.

Ну да, вот он и подкараулил ее на палубе, чтобы наверстать упущенное!

Женщина кокетливо склонила голову к плечу и проговорила мечтательным тоном:

— Какая прекрасная ночь, не правда ли?

Только идиот не отзовется на такой откровенный призыв! А этот человек не похож на идиота...

Он шагнул к ней, склонился с каким-то странным выражением лица, но вместо ожидаемых слов проговорил:

— Где оно?

— Что?! — Удивленная и испуганная женщина отшатнулась. Ее испугал напряженный, горячечный голос мужчины, его странное лицо, гипсовой маской выступившее из темноты, а еще — запах...

От него пахло, как и должно было пахнуть — хорошим дорогим одеколоном, дорогим односолодовым виски, но сквозь этот привычный мужской запах пробивалась еще одна незнакомая, пугающая нота — резкий, волнующий запах какого-то дикого животного.

— Где оно? — повторил незнакомец.

Женщина попятилась. У нее больше не было того приятного романтического настроения, вызванного звездной ночью и тихим дыханием океана. Ей захотелось вернуться к людям, к шуму голосов, к безопасной круизной скуке.

— Оставьте меня, — проговорила она, отступая к двери. — Я не знаю, о чем вы говорите.

Но он каким-то непостижимым образом оказался между ней и дверью, между ней и безопасностью. Он оттеснил ее в темный угол за шляпкой и проговорил, неизвестно к кому обращаясь:

— Чжуан-Цзы!

И тут из-за лацкана его темного пиджака показалась остренькая любопытная мордочка. Две яркие бусинки глаз сверкнули в темноте, острые ушки встали торчком.

— Кто это? — спросила женщина.

Любопытство преодолело страх, кроме того, симпатичный зверек казался таким милым и неопасным, он примирял ее со странным поведением своего хозяина.

— Чжуан-Цзы! — повторил мужчина, и зверек, выскользнув у него из-за пазухи, прыгнул на плечо женщины. Она испуганно вздрогнула: маленькие коготки оцарапали кожу, а главное — прежний тревожный запах стал гораздо сильнее.

Зверек оглядел ее, изящно откинув треугольную головку, поводя усиками. Он был очень красив — темная шелковистая шкурка, покрытая белыми пятнами, полосатый пушистый хвост.

Повернувшись к хозяину, он приоткрыл пасть и издал громкий сорочий стрекот:

— Трак-так-так!

— У вас его нет, — разочарованно проговорил мужчина, — Чжуан-Цзы не может ошибиться. У вас его нет, но вы должны знать, где оно. И вы мне это скажете.

— Да о чем вы говорите? — В голосе женщины испуг сменялся раздражением. — И заберите наконец своего зверька! Он, конечно, красивый, но он порвет мое платье.

Мужчина словно не слышал ее слов.

Он начал задавать ей вопросы — странные, бессмысленные, пугающие.

Она отвечала — чтобы этот дикий разговор как можно скорее закончился.

Но когда мужчина получил все ответы, он не оставил ее в покое. Он забрал своего зверька, затем достал из кармана маленький серебристый флакон и брызнул в лицо женщине.

Она ахнула, попыталась закрыть лицо рукой, но тут же потеряла сознание и сползла на палубу.

И тогда мужчина легко поднял ее и перевалил за борт — в черную ночную пучину.

«Что я тут делаю?» — в который раз мысленно спросила себя Надежда, не забывая сохранять на лице выражение приветливого интереса к окружающему.

И опять-таки с грустью констатировала, что не может дать ответа на такой простой вопрос — что делает она, взрослая солидная женщина, в компании незнакомых людей в этой захламленной квартире, за столом, уставленным едой, которую невозможно есть. Ну, последнее не столь важно, уже несколько лет Надежда была твердо уверена, что чем меньше съешь за праздничным столом, тем лучше.

От этой мысли Надежда повеселела и улыбнулась сидевшему напротив мужчине как можно лучезар-

нее. Он ответил ей долгим внимательным взглядом, от чего Надежде стало как-то не по себе.

— Налейте мне водички, — сказала она, тронув за рукав соседа, — вон той, без газа...

Сосед молча выполнил ее просьбу, и Надежда Николаевна тихонько вздохнула. Неужели прав ее муж Сан Саныч, когда утверждает, что Надежда вечно вляпывается во всякие истории благодаря своему удивительному легкомыслию?

«Все не так, — тут же принялась оправдываться женщина, — на этот раз я просто не нашла в себе сил отказаться. Нина так просила прийти, мне было неудобно... Вот теперь и мучаюсь... Нет, все-таки нужно научиться говорить людям “нет”!»

— Положить вам пирожок? — спросил вдруг сосед тихонько.

И, заметив, что Надежда помотала головой, доверительно наклонился к ее уху:

— Не бойтесь, это Ларка пекла, она умеет.

— Тогда два! — Надежда решила рискнуть.

Пирожки и правда оказались выше всяческих похвал — начинки много, и тесто так и тает во рту.

Надежда хотела было восхититься вслух, но сообразила, что это будет невежливо по отношению к хозяйке. Оголодавшие гости накинудись на пирожки, потому что все остальное есть было невозможно. Да уж, Нинка совершенно не умеет готовить...

Надежда оглядела комнату.

Большая, просто даже огромная, и потолки высоченные. Окна красивой формы, занавески, правда, совсем к ним не подходят. Мебель разномастная. Диван, на котором сидят сама Нина и ее муж, со-

всем новый, только что купленный. Стол — большой, крепкий, на тяжелых ногах, дубовый, наверное, за него можно человек двадцать посадить. А их всего шестеро — Нина, ее муж Георгий, его старый приятель... как же его... Константин, сама Надежда и еще семейная пара, Нина говорила, что они вместе работают. Лариса — полноватая улыбчивая женщина, готовить и верно умеет, пирожки вкуснейшие. Муж ее, что рядом с Надеждой сидит, все больше помалкивает. Над столом на цепи лампа висит — старинная, бронзовая. А чуть в стороне — противовес чугунный, чтобы лампу поднимать или опускать при необходимости. Красивая вещь, видно, что не новодел, ну, в этой квартире, верно, много всего.

Надежда Николаевна отпила водички и незаметно поглядела на часы. Только полдевятого натикало, рано, ох, рано еще уходить! Еще не все тосты сказаны, горячее будет, а потом чай... Так что часа полтора как минимум мучиться...

«Угораздило же меня...» — снова вздохнула Надежда.

Все началось неделю назад, когда встречалась их институтская группа. Группа у Надежды Николаевны была интернациональная — учились в те времена в институте студенты из стран соцлагеря, тогда еще не бывшего. Были в группе три девочки-болгарки, одна — удивительная красавица, и парень и девушка из ГДР, которые поженились в процессе учебы.

Первое время доходили от немцев кое-какие сведения — двое детей, квартира в Берлине, затем у них

сломали Берлинскую стену, а у нас началась перестройка, и всем стало не до бывших соучеников.

И вот прошло много лет, и Герхард с Ренатой объявились. Они решили приехать в Санкт-Петербург, чтобы вспомнить свою молодость и повидать старых друзей по институту.

Как истый немец, Герхард подошел к делу основательно. Примерно за полгода он разослал эмейлы — в деканат института, на кафедру и еще куда-то с целью найти хоть кого-то знакомого.

Ответили ему только с кафедры, и то через месяц, потому что там подвизался парень с их же курса, который по чистой случайности не забыл Герхарда, хоть прошло без малого тридцать лет. Еще через некоторое время преподаватель встретил своего приятеля из Надеждиной группы, Лешку Антонова, и передал ему содержание письма. Но разгильдяй Лешка потерял старую записную книжку, где были у него все телефоны одноклассников, а на память помнил только один — Ирки Корабельниковой, которая жила когда-то с ним в одном дворе. Но когда он сподобился позвонить, оказалось, что Ирки по этому телефону давно уже нету, поскольку они с мужем в разводе. Этот самый разведенный муж Игореша на Ирку был очень сердит, и телефон ее нынешний долго не хотел давать Лешке, мотивируя это тем, что у Лешки в гостях Ирка и познакомилась с ее вторым мужем. И хоть было это сто лет назад, Игореша затаил на Лешку обиду.

Пришлось идти к нему выяснять отношения за бутылкой водки. После приятно проведенного вечера Лешка вообще забыл, зачем он звонил Ирке, кстати, телефона бывший муж ему так и не дал.

Прошло еще какое-то время, и Лешке позвонила Люся Симакова. Оказалось, сын ее приятельницы учится как раз у Лешки. Оболтус нахватал двоек и до того оброс хвостами, что ему грозило исключение. Тут как раз подошел весенний призыв в армию, и всполошился даже папа оболтуса, а мама давно уже лежала в обмороке.

Общими усилиями удалось оболтуса вытащить, и, к счастью, в самый последний момент в Лешкиной голове всплыло злосчастное «мыло».

Люся Симакова была женщина общительная и организованная. Она обзвонила всех, чьи телефоны у нее были, заказала зал в приличном ресторане, так что немцев ожидала сердечная, хоть и камерная встреча.

Народу было мало, поскольку собирались в спешке и не успели скорректировать свои планы. Кто-то уехал отдыхать в Египет или Таиланд, кто-то — в командировку в Новосибирск, кто-то просто не смог прийти по уважительным семейным причинам. Надежда, конечно, пошла на встречу с радостью — хотелось всех повидать.

Посидели хорошо, выслушали подробный рассказ немцев о жизни, пересмотрели фотографии детей и внуков, рассказали о своем. У Ленки Пантюхиной родился пятый внук, Алена Забелина переехала в загородный дом, Люська Симакова развелась, а Нина Ч. вышла замуж.

Удивились только последнему факту.

Нина была стопроцентной и законченной старой девой. Уже в молодые институтские годы всем было ясно, что замуж Нинка не выйдет никогда. Никакому

самому завалющему парню не придет в голову обратить на нее внимание. Все институтские годы Нина ходила в каких-то старушечьих свободных кофтах, волосы заплетала едва ли не в косички, обувь ее летом напоминала галоши, а зимой — валенки.

Но дело было даже не в жуткой бесформенной юбке в красно-коричневую клетку и не в полном отсутствии косметики. Нинкины простодушие и наивность некоторым казались беспросветной глупостью. В общем, Нина Ч. была девушкой со странностями, хотя на учебе это не отражалось, училась Нина всегда хорошо. Злые языки называли ее зубрилкой и утверждали, что хорошие отметки Нинка зарабатывает не головой, а пятой точкой, которая, надо сказать, была у нее явно больше нормы.

Надежда с Ниной не дружила, но никогда не подсмеивалась над ней, хотя не раз задавалась бесполезным вопросом: как можно, находясь в здравом уме, надеть эту жуткую клетчатую юбку?

Однако курсе на третьем им выпало вместе делать курсовик, и Надежда убедилась, что Нина далеко не дура, в смысле учебы, конечно, и никакой зубрежкой там и не пахнет, соображает она в учебе. Нина была со всеми неизменно вежлива, но в подруги и друзья не навязывалась, ее тоже не трогали. Фамилия ее была Чересполосова, и тот же острый на язык Лешка Антонов окрестил ее Ниной Ч., потому что фамилия была такой длинной, что даже не умещалась в чертежный штамп.

Это прозвище прилипло к Нине на все пять с половиной лет учебы, даже преподаватели иногда так говорили.

После окончания учебы Нина пропала из виду, да никто особенно ею и не интересовался, даже неугомонная Люська Симакова не знала, что Нина поделяет. На встречи соучеников Нина никогда не ходила, а теперь вот появилась.

Исчезли балахонистые кофты и туфли, напоминающие галоши, не было немислимых воротничков с рюшами и знаменитой юбки в коричневую клетку. Теперь на Нине было скромное рябенское платьице, недорогое, но относительно приличное, сапоги хоть и на низком каблуке, но не казавшиеся кирзачами.

В остальном Нина не изменилась, Надежда видела те же жидковатые волосы, теперь коротко подстриженные, также полное отсутствие косметики. Хотя нет, Нина накрасила губы помадой, которая, надо сказать, совершенно ей не шла.

Нина по-прежнему держалась скромно, однако норовила ненавязчиво продемонстрировать всем обручальное кольцо.

— Давно ты замужем? — улыбаясь, спросила Надежда, несмотря ни на что, приятно было видеть эту новую Нину.

— Уже два месяца, — призналась Нина и тут же добавила с обычной своей непосредственностью: — Это такое счастье...

— Рада за тебя, — сказала Надежда и погладила Нину по плечу.

— Еще столько всего нужно сделать... — щебетала Нина, — быт совсем не налажен! Ремонт в квартире не делали лет сорок, представляешь? Мебель купить...

— Это приятные заботы, — улынулась Надежда. — А кто твой муж?

— Он... он работает в очень крупной фармацевтической фирме! — тут же без запинки ответила Нина. — Он там начальник исследовательского отдела, представляешь? Ну, новые лекарства разрабатывает.

— Важное дело, — согласилась Надежда.

Когда все собрались уходить, Люся Симакова предложила подвезти их с Ниной до метро.

— Что это ты на машине? — удивилась Надежда. — Не выпить в ресторане...

— Привыкла уже! — Люська рассмеялась. — Без колес как будто раздетой себя чувствую! По работе много ездить приходится.

Надежда разговор о работе не поддержала — ей-то сказать было нечего. Как сократили ее из научно-исследовательского института два года назад, так с тех пор она и считается домохозяйкой (ох, как ненавидела Надежда это слово!). И хоть жила она эти два года неплохо — за мужем, как за каменной стеной, и к домашнему хозяйству относилась без фанатизма, и привыкла уже к тишине и неторопливости, все же иногда хотелось Надежде своей собственной интересной и достойной работы. Но кто же даст такую женщине старше пятидесяти лет? Эту цифру Надежда решалась произнести только мысленно, и то только в обществе таких же, как она, подруг по несчастью. Хотя вот с Люсей-то как раз в смысле работы все обстояло иначе.

— Ой, девочки, как со своим развелась, так думала, что повешусь! — рассказывала Люська, не отрывая глаз от дороги. — Сами посудите: всегда замужем была, сыновей двоих вырастила, с внуком посидеть успела! И тут муженек мне такую подлян-

ку преподнес — завел другую, да прямо на работе! Я, как полная дура, ничего не замечаю, еще жалею его, что приходит поздно, а он оказывается... В общем, история самая банальная...

— Да уж, — поддакнула Надежда, а Нина промолчала.

— Короче, выгнала я его без долгих разговоров, ушел он к той бабе, а я тогда в библиотеке технической работала. Сами понимаете, какая зарплата. Ну, его приятель меня и устроил в одну фирму, по гроб жизни ему благодарна буду!

— Вот уже пять лет кручусь как белка в колесе, — Люся притормозила у метро, — хочу с младшим сыном разъехаться. Мне хоть бы какую конуренку отдельную, а то никакой личной жизни! Пока, девочки, звоните, не забывайте!

Люся чмокнула воздух и рванула машину с места.

— Энергии у нее... — сказала восхищенная Надежда, глядя на задние огни Люсиной машины.

Нина снова промолчала.

— Тебе в какую сторону? — спросила Надежда, смутно припоминая, что Нина жила раньше в районе Черной Речки.

— Мне в центр, на канал Грибоедова, — ответила Нина.

— Ты у мужа теперь живешь? — сообразила Надежда. — Круто, в центре-то...

— Нет, мне бабушка квартиру оставила, — ответила Нина и, видя, что Надежда воззрилась на нее с изумлением, улыбнулась: — Ты что, Надя, не знала, кто у меня бабушка была?

— Понятия не имела! — брякнула Надежда и тут же опомнилась: — Извини.

— Нина Слепнева, художница известная... Меня в честь нее назвали.

— Ну надо же...

Надежда слышала про такую художницу, только считала, что она умерла очень давно. Какие-то всплыли в голове не то «Ходоки у Ленина», не то «Утро на Днепрогэсе». Но, возможно, она путает, все эти картины из букваря остались в далеком прошлом.

— Бабушка давно умерла, — говорила Нина, — квартира пустая стояла, потому что там картины, холсты, статуи... и еще много всего, это же была у нее еще и мастерская... Помещение огромное, светлое, просторное, но очень уж забито.

— Ничего, были бы стены, со временем разберетесь.

— Стены есть! — засмеялась Нина. — Да еще какие высокие! И окна... На храм Спаса на Крови выходят.

Нина вышла на Невском. Надежда пожелала ей счастья в семейной жизни и махнула рукой в окно.

«Надо же, — думала она, усевшись на свободное место, — кто бы мог подумать, что у Нинки такая бабушка? И как человек с художественным вкусом мог допустить, чтобы внучка ходила в этой ужасной клетчатой юбке? Однако если вспомнить «Утро на Днепрогэсе», то никаким художественным вкусом там и не пахло».

На этой жизнеутверждающей мысли Надежда слегка задремала — сказались выпитые пара бокалов вина, — и очнулась уже, только когда объявили ее остановку.

Прошла неделя и даже больше, и как-то раздался звонок. Звонила Нина Ч., как по старой памяти называли ее бывшие студенты. Надежда уже успела выбросить из головы встречу одногруппников и Нину узнала с трудом.

— Надя, приходи ко мне на день рождения в эту субботу! — говорила Нина. — Очень прошу, приходи! С мужем. Народу мало будет, посидим подомашнему...

Надежда вспомнила, какой одинокой была Нина в институте, наверное, так же обстояли дела и на работе. А теперь есть муж, и у нее первый день рождения в новом статусе. И хочется, чтобы было все как у всех. А друзей-то нету...

— Ну, хорошо, — против воли выговорила Надежда, не чуждо ей было чувство жалости.

— Записывай, как к нам попасть! — оживилась Нина. — Если идти от метро...

— Люська же все время на машине, — посмеиваясь, перебила Надежда, — без колес, говорит, как босиком...

— Люся? — переспросила Нина, и голос ее прозвучал как-то напряженно. — Нет, я Люсю не приглашаю. Понимаешь, она же в разводе... и сама говорила, что на свободной охоте... Нам, семейным женщинам, лучше от нее держаться подальше.

Точно, Люська что-то такое болтала. Надежда сразу поняла, что Люська просто треплется, по довольному и уверенному виду подруги она мигом вычислила, что кто-то у Люси есть. А замуж она и не собирается — хватит уже, обожглась. Тут Надежда вспомнила, что Нинка и раньше не понимала шуток.

И самое время было извиниться и твердо сказать, что раз Люси не будет, то она тоже не сможет прийти. И, не слушая возражений, поскорее повесить трубку.

Тем более что идти ужасно не хотелось. Но, как всегда, подвело воспитание. Надежде стало неудобно, и она согласилась прийти.

В ближайшую субботу она купила в подарок очень миленький шелковый шарфик, прихватила в ларьке три красные розы и отправилась к Нине одна, поскольку вытащить мужа в незнакомую сомнительную компанию нечего было и думать.

И вот теперь она мается в этой квартире среди незнакомых людей и в который раз задает себе вопрос, какого черта она здесь делает.

Дом она нашла быстро — старый, но крепкий и очень большой, он стоял в окружении стада дорогих машин. Дом был шестиэтажный, и лифт сделан снаружи, как бывает в старых домах. Лифт довез Надежду только до четвертого этажа, на пятый она поднялась пешком. Дальше лестница заканчивалась, на шестой этаж ходу не было, и в чем дело, Надежда поняла, только оказавшись в квартире.

Квартира была огромной. Полутемная прихожая плавно переходила в длинный коридор, оттуда наверх шла лестница, то есть квартира была двухэтажной.

— Там мастерская была бабушкина, — пояснила Нина, — там окна в потолке сделаны.

Нина была неестественно оживлена и одета сегодня в цветастую шелковую блузку и длинную юбку.

Волосы она, надо думать, уложила самостоятельно, и теперь они смешно завивались несимметричными подростковыми вихрами. Однако глаза Нины блестяли, губы, накрашенные все той же отвратительной помадой, приветливо улыбались, и в целом, как с удивлением поняла Надежда, Нина производила приятное впечатление.

— А вот это мой Гера... — радостным голосом сказала Нина, вводя Надежду в просторную комнату. — Познакомься, дорогой, это Надя, моя подруга.

Надежда скроила самую приветливую улыбку, на какую была способна. Двое мужчин стояли у окна, о чем-то тихонько переговариваясь. Один суетливо обернулся и даже сделал шаг в сторону Надежды. Второй оборачиваться не спешил.

— Герочка... — протянула Нина, на миг в глазах ее мелькнуло растерянное и немного испуганное выражение, или же Надежде просто показалось.

Мужчина повернулся и стоял, рассматривая Надежду, причем она готова была поклясться, что ему совершенно неинтересна, а смотрит он просто так, потому что Нинка его теребит. Надежда тоже окинула его изучающим взглядом.

Так... Невысокого роста, худенький такой, с виду хлипкий. Ну, странно было бы ожидать от Нинкиного мужа, чтобы он был двухметровым красавцем. Нина — невеста незавидная, что уж скрывать. Хотя... наличие двухуровневой квартиры в центре, несомненно, акции ее повышает. Так неужели в этом все дело?

И тут Нинин муж бросил на нее быстрый взгляд. Надежда даже поежилась слегка — было такое чув-

ство, что этим взглядом ее просветили насквозь. Просветили и прочитали мысли. Она устыдилась — какое ей дело, зачем этот тип женился на Нине? В конце концов, она выглядит счастливой. А за квартиру пускай родственники переживают, она, Надежда, в общем-то, Нинке никто.

— Здравствуйте! — сказала Надежда, потому что молчание как-то слишком затянулось. — Рада познакомиться...

Она хотела добавить, что слышала от Нины о муже много хорошего, но вовремя опомнилась.

— Я тоже, — произнес он, слегка улыбаясь и припушив свой пронзительный взгляд.

Теперь вблизи Надежда увидела, что он вовсе не такой хлипкий. Веяло от него какой-то внутренней силой. И этот взгляд, и поворот головы... Нет, Нинин муж не так прост.

Тут подлетел к ним тот, второй.

— Ниночка, да познакомьте же меня с вашей подругой! — преувеличенно громко заговорил он. — Наденька? Очень рад, очень рад! Просто даже счастлив! Я Константин! Можно просто Костя! — Он схватил ее руку и долго ее тряс.

Наденькой Надежду не называл никто, даже мама в далеком детстве. Надежда свое уменьшительное имя терпеть не могла, оно напоминало ей героинь Чехова и Тургенева. Так и видится бледное личико, опущенные глазки, робкий завиток на вспыхивающей изредка болезненным румянцем щеке. Наденьки, Лизаньки, Сонечки... Кошмар какой!

Надежда попыталась вытащить свою руку, но не тут-то было, ее держали крепко.

— Костя. Костя Чайкин! — говорил этот тип. — Не Райкин, а Чайкин, прошу не путать! — Он расмеялся мелким дребезжающим смехом.

Надежда наконец высвободила свою руку, и ее представили двум другим гостям — приятельнице Ларисе и ее молчаливому мужу.

— За стол, за стол! — кричала Нина. — Тебя, Надя, ждали!

Надежда проявила ловкость и смекалку, в результате чего ей удалось сесть подальше от настырного Константина. С одной стороны ее соседом был муж Ларисы, с другой — вообще никого, стол был явно велик для такого количества гостей.

Все, что стояло на столе, было несъедобно. Спиртное Надежда не слишком любила, к тому же с молодых, опять-таки студенческих лет твердо взяла за правило не пить много в незнакомом доме, особенно если пришла туда одна. Муж Нины изредка бросал на нее быстрые взгляды, и Надежда была начеку, чтобы успеть вовремя отвести глаза. Она складывала губы сердечком, улыбалась и часто моргала, чтобы казаться глупее, чем есть, — так, на всякий случай.

Через некоторое время она заскучала и стала все чаще спрашивать себя, что она тут делает.

Душой компании был Константин, то есть он очень старался ею быть. Другое дело, что у него это плохо получалось. Шутки его были плосковатые и не смешные, он говорил слишком громко для такой маленькой компании, к тому же, по наблюдению Надежды, слишком часто подливал себе коньяку. Нос его становился все краснее, глаза блестели все ярче, однако язык пока не заплетался.

Нина объявила горячее. Сосед Надежды тяжело вздохнул и вышел покурить.

На горячее предлагалась утка, которую Нина принесла красиво сервированную на блюде явно из бабушкиного старинного, дореволюционного еще, сервиза.

— Это тоже вы? — тихонько спросила Надежда, придвинувшись к Ларисе.

— Да нет, — та улыбнулась, — это она в ресторане заказала. Тут рядом, «Джузеппе Строщи» называется. Говорила я ей, чтобы все блюда там взяла — и салаты, и закуски, так нет, хочу, говорит, сама готовить! Со вчерашнего дня мне каждые полчаса звонила — как то сделать, да как это? Я уж на языке мозоль натерла, а все равно толку нету!

— Да уж, — не могла не согласиться Надежда, — то-то ваш муж мрачный такой. Привык к хорошей еде, ему это все как нож острый!

— Не говорите! — вздохнула Лариса. — Я готовить очень люблю. А когда продукты зря переводят — терпеть не могу! И деликатесов никаких не надо, я из простой тыквы такой суп делаю — пальчики оближешь! Без ложной скромности скажу!

— Верю... — Надежда Николаевна погрустнела, вспомнив, что в прошлом году тыквы у нее на даче совсем не уродились. Все в листья ушло, ни одной тыквы не завязалось! Правда, и лето было плохое, одни дожди, чего уж ждать...

— Это от того, что семена плохие, — авторитетно заметила Лариса, когда Надежда поделилась своей бедой. — А вот смотрите!

На мобильном телефоне в виде заставки был изображен кудрявый светловолосый мальчишка, си-

дящий верхом на оранжевой тыкве размером с хорошую табуретку. Надежда едва сдержала восторженный вопль. Видя такое восхищение, Лариса предложила поделиться своими семенами, у нее их много, девать некуда. Дамы условились созвониться в самые ближайшие дни.

— Девочки, дорогие, что-то вы много секретничаете, отделяетесь от коллектива! — заорал Константин так внезапно, что Надежда вздрогнула. — А давайте-ка выпьем под горячее!

— Свежая мысль, — пробормотала Надежда.

Утка оказалась жестковата, но все же есть было можно, правда, у Надежды от злости вообще пропал аппетит. Злиться в данном случае можно было только на собственную глупость и уступчивость, но дела это не меняло.

Костя все набирал обороты, предложил тост за прекрасных дам, который мужчины пьют непременно стоя, по-гусарски, порывался даже разбить бокал о стену. Бокалы были хрустальные, старинные, очевидно, тоже бабушкино наследство, еле-еле удалось незаметно убрать бокал подальше от Кости.

«Ну что я тут делаю?» — в тоске подумала Надежда.

— Много мы с Герой пережили, есть что вспомнить, — говорил Константин, держа в руке обычную рюмку. — Мы ведь с ним друзья были — неразлейвода, с самой юности! Я хочу выпить за дружбу! За настоящую мужскую дружбу!

— За дружбу! — закричала Нина в восторге, так что Надежда к ней пригляделась — тоже, что ли, выпила лишку? Это уж последнее дело, когда хозяйка раньше гостей напилась...

— А помнишь, Гера, про мину? — Константин выпил и заулыбался, как будто вспомнил что-то очень приятное.

— Да ладно тебе, сколько можно об этом вспоминать! — Георгий недовольно поморщился.

— Вот в этом он весь! — Константин обвел присутствующих гордым взглядом, как счастливая мать, призывающая всех полюбоваться на своего подающего надежды ребенка. — Скромный герой! Не любит, понимаете ли, хвастаться.

— Расскажите, Костя, расскажите! — оживилась Нина. — Мне очень интересно!

— Что, он и тебе ничего об этом не рассказывал? — Константин изобразил удивление. — Ну, Гоша! Ну, скромняга! Я и сам хвастаться не люблю, но чтобы до такой степени!..

— Да ладно тебе, — повторил Георгий.

— Нет, мы тоже хотим послушать! — поддержала Нину Лариса. — Константин, пожалуйста! Мы вас очень просим!

Нина вскочила и с помощью противовеса опустила бронзовую лампу пониже, так что свет теперь падал на лица гостей.

— Ну, так вот... — Константин улыбнулся, как Чеширский кот, которого почесали за ухом. — Мы с Жорой после пятого курса проходили практику на корабле...

— На коробке, — хмуро поправил его Георгий.

— Ну да, извиняюсь, на коробке. — Константин обвел присутствующих многозначительным взглядом. — Моряки, они такие, они корабли исключительно коробками называют. Небольшая такая ко-

робка, хотя и военная — малый корабль радиоразведки. У нас и вооружения-то почти не было, одни антенны... Ну, я, кажется, что-то лишнее говорю, мы вообще-то давали подписку о неразглашении, — Константин смешно прикрыл рот ладонью. — Но суть не в этом. Значит, плывем мы по Черному морю, несем, как говорится, службу, прослушиваем эфир на предмет возможного радиоперехвата, и вдруг вахтенный матрос докладывает на мостик — справа по курсу неизвестный предмет!

Константин сделал паузу и оглядел присутствующих, чтобы убедиться, что все его внимательно слушают, и продолжил:

— А мы с Герой тоже тогда на вахте стояли, помощниками вахтенного офицера, в порядке обучения в условиях, приближенных к боевым. Смотрим — а справа от нашего корабля в море какая-то большая дура, извиняюсь за выражение, болтается... Круглая железная штукавина, утыканная рожками, наподобие морского ежа. — Константин изобразил руками что-то круглое и рогатое и продолжил свой рассказ: — А вахтенный офицер у нас в возрасте был, хотя и в небольшом чине — как сейчас помню, капитан-лейтенант Серый, Антон Иванович. Так вот он, как эту дуру железную увидел, прямо позеленел, несмотря на свою фамилию, фуражку снял и платком пот с лысины вытирает. Это же, говорит, мина!

Я от испуга про устав забыл, спрашиваю, как на гражданке: Как мина? Какая мина?

А Антон Иванович — ему тоже не до устава, он с чертовой железяки глаз не сводит и говорит вполголо-

са: Морская плавающая корабельная мина «МКК-1» с контактным взрывателем, видно, еще в войны осталась! Может, говорит, держалась в придонном слое, а теперь по неизвестной причине всплыла.

— И что — до сих пор может рвануть?

— Запросто! Были уже аналогичные случаи... скажем, в восемьдесят седьмом году, с ракетным катером «Торопливый».

— А что случилось с этим катером?

— Лучше не спрашивай!

Тут капитан-лейтенант опомнился и скомандовал в машинное отделение:

— Самый малый назад!

Коробка наша сбавила ход, но еще по инерции немножко вперед прошла, и с этой самой миной соприкоснулась. Мы-то с Гошей не очень понимаем, что происходит, но и то перепугались, а Серый — тот прямо глаза выпучил и рот открыл. Стоит, губами шевелит. Я прислушался — а он тихонько так, про себя — то «Господи, пронеси», то матом... причем он был интеллигентный офицер, сдержанный, раньше я от него дурного слова не слышал, а тут исключительно художественно матерится, прямо как старшина второй статьи.

Прошла так секунда, другая — вроде взрыва нет. Коробка наша медленно пошла назад, но эта чертова мина — за ней, видно, зацепилась за что-то своими рожками.

— Что делать? — спрашиваю я у Антона Ивановича.

— Надо бы ее как-то отцепить и оттолкнуть, да вот как... В общем, доброволец нужен!

И тут, — Константин снова оглядел присутствующих, — и тут наш Гера вышел вперед и говорит:

— Я готов!

Капитан-лейтенант на него удивленно так посмотрел.

— Ты, — говорит, — ты, студент, понимаешь, на что идешь? Это же, — говорит, — ужасный риск!

— Но кто-то же должен! — отвечает ему Жора, и уже форменку стаскивает! Мы и опомниться не успели, а он уже прыгнул за борт и подплыл к самой мине. Отцепил ее, оттолкнул... Коробка наша потихоньку назад сдает, а мина поплыла своим путем. Ну, тут вахтенные матросы шторм-трап сбросили, вытащили Геру. Он весь зеленый, трясется и все что-то сказать хочет, но зуб на зуб у него не попадает — не то чтобы от страха, а больше от холода, месяц-то был март, вода ледяная. Ну, тут Антон Иванович распорядился, чтобы из медпункта спирта принесли, Гоша выпил грамм пятьдесят и порозовел.

Капитан-лейтенант ему говорит — благодарю за службу! Ты, говорит, всех нас, может быть, спас!

А Гера немного очухался и отвечает, все еще не по уставу:

— Извините, Антон Иванович, только эта мина какая-то странная! Вроде как ненастоящая!

Капитан-лейтенант отмахивается:

— Что значит — странная? Ты, студент, пока что никаких мин не видел, тебе любая странной покажется!

И приказал радисту, чтобы он передал предупреждение всем кораблям в ближайшей округности, что в море обнаружена плавающая мина. А также свя-

зался с командованием и попросил направить в наш сектор акватории минный тральщик с целью обнаружения и уничтожения этой мины.

Тут неподалеку от нас показывается гражданский корабль. Довольно большое пассажирское судно под названием «Математик Николай Лобачевский».

Мы этому «Лобачевскому» флажным семафором передаем, что в море плавает мина и нужно соблюдать особую осторожность. А они в ответ — плавали, знаем! Сообщите, передают, где вы эту мину видели, она нам очень нужна!

Капитан-лейтенант связался с ними по радию.

— Что, — говорит, — за легкомысленный ответ? В море действительно плавающая мина модели «МКК-1» с контактным взрывателем. Представляет большую опасность.

А ему с «Лобачевского» отвечают, что у них на борту съемочная группа, снимают приключенческое кино из морской жизни. И у них для съемок изготовлено несколько бутафорских мин, по внешнему виду похожих на эту самую «МКК-1». Одна из этих мин отцепилась и уплыла в неизвестном направлении, так что они ее теперь ищут: мина хоть и бутафорская, но дорогая, им другую делать некогда, опять же, она у них на балансе и если пропадет с концами, то с хозчастью потом не развязаться. Ну, капитан-лейтенант Серый, конечно, матом их всех покрыл, как положено, те оправдываются, а Георгию тогда объявили благодарность за проявленное мужество, с занесением в приказ по флоту.

Константин снова выдержал эффектную паузу и закончил свой волнующий рассказ:

— Вот он у нас какой, Георгий! Скромный, но героический!

— Шампанского! — закричала Нина и захлопала в ладоши. — Герочка, какой же ты смелый!

И полезла к мужу целоваться. Но остановилась, не дотянувшись, как будто наткнулась на невидимую преграду. На миг мелькнуло у нее на лице растерянное выражение, тут же сменившееся привычной радостной улыбкой.

Надежде стало скучно.

Она тихонько выбралась из-за стола, вышла в коридор.

Коридор был длинный и полутемный, все его стены были увешаны картинами и набросками.

В основном это были портреты — сталевары с поднятыми на лоб защитными щитками, доярки в идейно выдержанных красных платочках, трактористы и комбайнеры (чем они отличаются друг от друга, Надежда не знала, потому что все ее познания о сельском хозяйстве сводились к тому, как ухаживать за клубникой и огурцами на своем дачном участке). Еще здесь были пожилые мужчины и женщины в ненатуральных народных костюмах — они казались в них ряжеными и держались очень неестественно, как будто занимали чужое место.

Правда, среди этих портретов передовиков производства и представителей малых народов нет-нет да и попадались более интересные, выразительные лица — то пожилой, явно пьющий мужчина, на лице которого были видны следы трудной, безрадостной жизни, полной невзгод и испытаний, то юная девуш-

ка с ясными, лучистыми глазами, в которых светилось ожидание радости.

Надежда немного прошла по коридору и оказалась перед деревянной лесенкой, которая вела куда-то вверх, на антресоли или на второй уровень квартиры.

Надежда всегда говорила, что любопытство — это второй из двух ее главных недостатков. Когда ее спрашивали, какой же первый, она отвечала, что доверчивость. Правда, в глубине души Надежда считала свое любопытство несомненным достоинством, но об этом предпочитала помалкивать.

В данный момент в ней взяло верх любопытство.

Она оглянулась, поднялась вверх по лестнице и толкнула скрипучую дверь.

Комната, в которой она оказалась, была неожиданно большой, с высоким потолком и огромными окнами. Впрочем, окна эти были так давно не мыты, что через них почти не проникал свет, да и сама комната была сильно захламлена. Тут и там были свалены грудой холсты и подрамники, среди которых стояли кувшины и вазы с кистями, в одном углу почему-то стояли старинные детские санки с красиво загнутыми полозьями, в другом — гипсовая мужская голова с фиолетовым цветком, нарисованным на гипсовой щеке.

Как и в коридоре, на стенах висели картины, только картины были совсем другие — никаких комбайнеров и доярок, да и вообще очень мало портретов. Здесь были в основном натюрморты и пейзажи, часто попадались и такие, на которых вообще непонятно что изображено — просто цветные пятна и по-

лосы, наподобие знаменитого «Черного квадрата». Многие из этих картин Надежде понравились, особенно одна — петух с ярким разноцветным хвостом и пылающим гребнем.

Один натюрморт, где ржавая селедка лежала на куске газеты, показался Надежде смутно знакомым.

— Где-то я видела что-то похожее... — проговорила Надежда вслух.

— Конечно, видела, — раздался у нее за спиной голос.

Надежда вздрогнула и обернулась.

Позади нее стояла Нина.

— Конечно, видела, — повторила она. — В Русском музее и в Третьяковке... Это ведь Кузьма Сергеевич!

— Кто? — переспросила Надежда, смущенная тем, что ее застали врасплох.

— Петров-Водкин, — пояснила Нина.

— Ах, ну да... ты извини, что я здесь хозяйничаю — искала, понимаешь, туалет...

— Да ничего, — Нина улыбнулась. — Только тут беспорядок, все руки не доходят прибраться. Осталось все, как при бабушке. Она здесь работала и здесь же держала картины, которые собрала за всю жизнь, — Юрий Васнецов, Константин Рудаков, вот даже Петров-Водкин, Тышлер... Какие-то работы ей дарили сами авторы, какие-то она покупала. Бабушка говорила, что работы больших, настоящих мастеров вдохновляют ее и вместе с тем не дают зазнаться, напоминают, что она пока еще не достигла настоящего мастерства.

— Надо же, а я и не знала, что у тебя была такая знаменитая бабушка!

— Ну да, бабушка не любила, когда об этом болтали. Она всегда повторяла: «Быть знаменитым некрасиво».

— Но вообще-то твоя бабушка была очень известна... в свое время, — осторожно проговорила Надежда.

— Да, она получила все существовавшие тогда премии, — в Нинином голосе прозвучала странная интонация, как будто она не знала — гордиться былой бабушкиной славой или стесняться ее.

— Ну, многие ее работы действительно мне очень понравились. — Надежда постаралась, чтобы ее слова прозвучали дипломатично: — Не все, конечно... но вот там портрет один пожилого мужичка, и девушка в простом платье...

— А ведь ты знаешь, Надя, именно благодаря бабушке я познакомилась с Георгием! — не удержалась Нина.

— Как так? — удивилась Надежда. — Насколько я знаю, твоя бабушка уже давно умерла?

— Вот представь себе, — Нина улыбнулась, — я пошла на выставку советского портрета в Русский музей, там были выставлены несколько бабушкиных работ. И вот перед одним ее портретом — это был портрет артиста Черкасова — стоял Георгий. И у него было такое лицо, что я не удержалась и спросила: «Вам нравится»? А он повернулся и говорит: «Очень! Вообще Нина Слепнева — выдающийся и совершенно незаслуженно забытый художник!»

Нина смущенно улыбнулась и продолжила:

— Понимаешь, Надя, я не удержалась и призналась ему, что я — внучка Слепневой, и мне принадлежит большая часть ее сохранившихся работ. И тут он прямо загорелся: «Покажите мне их, покажите...» Ну вот, так все и началось! — Нина развела руками, как будто предлагая Надежде самой оценить ее рассказ.

«Да уж, — подумала Надежда удивленно. — История какая-то странная, как в кино, причем не в лучшем фильме. Очень все это ненатурально, как будто заранее подстроено. С другой стороны... кому могло понадобиться так хитро знакомиться с нашей Ниной — с ее-то неказистой внешностью, с ее странностями, с ее возрастом...»

На этой мысли Надежда немного расстроилась — ведь они с Ниной ровесницы, так что у нее самой возраст такой же. Впрочем, не в возрасте дело...

А в чем же?

Неужели таинственный Георгий задумал эту комбинацию, чтобы завладеть Ниной квартирой? Опять же, картины в этой мастерской, те, которые дарили Нинкиной бабушке ее знаменитые и талантливые друзья. Наверное, они дорогие...

— А Георгий... — осторожно начала Надежда, — он не из нашего города?

— Нет, — быстро ответила Нина и тут же подозрительно взглянула на Надежду. — А что ты хочешь сказать?

— Да нет, ничего. — Надежда пошла на попятную. — Я хочу сказать, что нам нужно вернуться к гостям. Ты, как-никак, хозяйка!

— Ну да, конечно, — опомнилась Нина. — Я вообще-то хотела подавать чай.

В конце концов, думала Надежда, это вовсе не ее дело, кто такой этот Георгий. Ясно только, что не простой он брачный аферист. Нинка при всей своей наивности все же не совсем дура, не могла она увлечься совершенно пустым человеком. В этом-то все и дело, поняла Надежда, Георгий этот — человек интересный. Есть в нем что-то... таинственное, что ли. Этот его взгляд... Все же, если дело не в квартире, зачем ему Нинка?

К чаю Нина подала покупной торт. При виде этого торта, густо усеянного жуткими кремовыми розочками, Надежда пришла в ужас. Казалось, торт благоухает лишними калориями и сочится холестерином.

«Нет, только не это! Пора уходить!» — Надежда воспользовалась тем, что все увлеклись общим разговором, схватила сумку и выскользнула в коридор. Хорошо, что запомнила место, где вешают одежду!

Сунув руки в рукава пальто, она устремилась к выходу, но в спешке свернула куда-то не туда и оказалась в незнакомой части квартиры.

То, что здесь она еще не была, Надежда определила очень быстро: вместо портретов передовиков производства по стенам были развешаны какие-то гарпуны, стрелы, украшенные ярким орнаментом предметы обихода и одежды северных народов — в памяти всплыли слова «малица» и «кухлянка». Под самым потолком висела настоящая кожаная лодка, кажется, она называется «каяк».

Надежда повернула назад, свернула в боковой коридор. Здесь перед ней замелькали знакомые доярки и сталевары, она поняла, что находится на верном пути, и прибавила шагу.

И вдруг замерла на месте, услышав впереди раздраженные голоса.

В первый момент Надежда хотела подойти к разговаривающим людям и спросить у них, где выход из квартиры, но что-то ее остановило.

Она задержала дыхание и прислушалась.

— Я тебе что велел? — доносился из-за угла мужской голос, в котором холодная злость была в равных долях смешана с презрением. — Я тебе велел поддерживать общий разговор, поддакивать и шутить, а не болтать лишнее! Теткам комплименты говорить, по ручке гладить, а ты вместо этого коньяку нажрался и болтать начал! Кто тебя тянул за язык?

— Да ладно тебе, — возражал второй. — Подумаешь, что я сказал-то? Никто и внимания не обратил!

— Это ты так думаешь! — прошипел первый. — Это еще неизвестно — обратил или не обратил! Я тебя предупреждал — не пей лишнего, держи себя в руках!

— Да что я выпил-то? — оправдывался второй. — Я свою норму знаю, я никогда...

Надежда не выдержала, любопытство пересилило осторожность, и она тихонько выглянула из-за угла.

Там, за углом, находилось то, что Надежда безуспешно разыскивала, — входная дверь, и рядом с ней, под полкой, с которой скалилась жуткая маска северного шамана, стояли двое мужчин: таинственный Нинин муж Георгий и его старинный друг Кон-

стантин. Георгий держал своего «друга» за воротник и тряс его так, как будто хотел вытрясти последние остатки рассудка.

Видимо, он почувствовал на себе взгляд Надежды, потому что настороженно оглянулся. К счастью, женщина успела втянуть голову за угол, как черепаха в панцирь. Георгий не заметил ее, но все же что-то заподозрил и проговорил вполголоса:

— Ладно, пойдем обратно, пока нас не хватились, но смотри у меня — не трепись!

— А ты не ори на меня! — внезапно остервенился Константин. — Тоже еще выдумал мне рот затыкать! Знаю, что нужно говорить и когда!

— Ага, конечно! — прошипел Георгий. — Умник ты наш!

— Да я в таких домах бывал! — повысил голос Костя. — Тебе и не снилось! Да я у самого Мясникова работал!

— Тише! — Георгий дернул его за руку. — Не шуми!

— То-то же, — проворчал Константин.

К счастью, мужчины пошли в другую сторону и не столкнулись с Надеждой. Едва эхо их шагов затихло в коридоре, женщина облегченно вздохнула и выскользнула из квартиры.

— Здравствуй, Надя, — сказал муж, открывая ей дверь с котом на руках. — Хорошо провела вечер?

Она поглядела мужу в глаза — издевается, что ли? Да нет, вроде не шутит.

Кот Бейсик неожиданно забеспокоился и спрыгнул с рук любимого хозяина на пол. Надежда на-